

Ба 133131

**БЕЛОРУССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА**

КАФЕДРА БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАУМОВИЧ

Владимир Александрович

ПРОЗА „МАЛАДНЯКА“

**(Специальность — 10.01.03— литература
народов СССР)**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Бел. 2005

МИНСК 1974

Ба 133/31

БЕЛОРУССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА

КАФЕДРА БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАУМОВИЧ
Владимир Александрович

ПРОЗА „МАЛАДНЯКА“

(Специальность — 10.01.03 — литература
народов СССР)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Бел. 2005

МИНСК 1974

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Общепризнанными являются успехи современной белорусской советской прозы. В этой связи в значительной степени возрос интерес к ее истокам и путям развития. Этот интерес имеет не только историко-литературное, но и актуальное, общественно-политическое значение: на примере ускоренного развития белорусской советской прозы 20-х годов непосредственно видно огромное влияние Великой Октябрьской социалистической революции и новой советской действительности на литературу, видно, почему в такой короткий исторический срок белорусская проза достигла того высокого уровня, на котором она теперь находится.

Термин «молодняковская проза» вошел в белорусское литературоведение сравнительно недавно. Как известно, на рубеже 50—60-х годов в белорусском советском литературоведении появились первые обобщающие исследования о становлении метода социалистического реализма в прозе и поэзии 20—30-х гг., о путях развития жанра белорусского романа (монографии А. М. Адамовича, Н. С. Перкина, Ю. С. Пширкова), в которых нашла свою общую принципиально новую оценку и проза и поэзия 20—30-х гг., а также деятельность литературных объединений этого времени, прежде всего «Маладняка» и «Узвышша». В начале 60-х годов вышла в свет специальная работа, широко и всесторонне исследовавшая поэзию «Маладняка» — монография Н. С. Гилевича «Акрыленая рэвалюцыя» (1962). Среди других более значительных работ, авторы которых касались деятельности и творчества «Маладняка», следует назвать работы И. Я. Науменко «Янка Купала. Духоўны воблік героя» (1967), «Якуб Колас. Духоўны воблік героя» (1968), коллективные книги: «Беларуская савецкая проза. Апавяданне і нарыс» (1971), «Беларуская савецкая проза. Раман і апавесць» (1971); В. Коваленко, М. Мушинский,

А. Яскевич «Шляхі развіцця беларускай савецкай прозы. Агульны рух і галоўныя тэндэнцыі» (1972). Тем не менее о прозе «Маладняка» нет специального исследования, подобно работе Н. С. Гилевича о поэзии первого массового литературного объединения. Анализ этой яркой страницы в развитии национальной литературы оставался фрагментарным и неполным. Многих проблем развития прозы «Маладняка» исследователи вообще не касались. Без всестороннего и разнопланового их изучения картина развития белорусской советской литературы остается незавершенной. До последнего времени оставалось малоизвестным и творчество большинства прозаиков «Маладняка», не определены их роль и место в национальной литературе. Оценки молодняковской прозы не всегда были последовательными и до конца объективными. При рассмотрении отдельных произведений, созданных молодняковцами, зачастую не выдерживались принципы историзма. Некоторые из молодняковских произведений выхватывались из общего литературного процесса и подвергались анализу без учета основных закономерностей развития литературы. Нередко в один ряд ставились произведения, созданные в разные периоды творческого пути писателя. Все это вносило определенную путаницу в оценки «Маладняка», препятствовало утверждению объективных взглядов на его роль и место в историко-литературном процессе, на эстетическую сущность прозы «Маладняка».

Дальнейшее комплексное, углубленное изучение прозы «Маладняка» — актуальная проблема современного белорусского литературоведения.

Цель исследования — определить основные закономерности развития молодняковской прозы, показать, с чем шли молодые белорусские прозаики 20-х годов в литературу, установить их роль и место в литературе тех лет, раскрыть, как решались ими грандиозные задачи создания самой передовой в мире литературы социалистического реализма, прошло становление основополагающих принципов нового социалистического искусства — партийности, народности, коммунистической идейности, каким в целом был вклад молодняковцев в белорусскую советскую прозу, в решение проблемы положительного героя, выявить жанровое и стилевое своеобразие прозы молодых.

Методологической основой исследования явились теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма. Программа КПСС, документы и материалы съездов КПСС,

КПБ, решения пленумов ЦК КПСС и ЦК КПБ, статьи и речи руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства, Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972 г.). Неоценимое значение в изучении главных вопросов развития литературы первых послеоктябрьских лет имеет ленинское теоретическое наследие, статьи и работы В. И. Ленина по вопросам литературы и искусства.

Автор стремился органически сочетать анализ социальной сущности литературы с выявлением ее художественно-эстетических ценностей, не нарушая требований историзма. **Источниками для исследования** послужили оригинальные книги прозы, коллективные сборники, альманахи, литературные приложения, издания Центрального Бюро «Маладняка» и его периферийных центров (так называемых филлий), а также прозаические произведения, публиковавшиеся в журналах «Маладняк», «Полымя», «Узвышша» и др. Многие из рассматриваемых произведений подвергаются анализу впервые, отдельные же автор стремится прочитать заново, с позиций современности, добиваясь воссоздания полной и объективной картины развития национальной прозы. В исследовании использованы материалы архива «Маладняка», документы партархиза Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, Государственного архива литературы и искусства БССР, Центрального архива ВЛКСМ, материалы местных краеведческих музеев и др. В ходе исследования автор обращался ко многим бывшим молодняковцам со специальной анкетой, ответы на которую также способствовали более полному освещению литературного процесса. Особое значение в восстановлении объективной картины литературного движения тех лет имели письма от народного писателя БССР М. Т. Лынькова, воспоминания Я. Скрыгана, В. Дубовки, С. Шушкевича, С. Лиходиевского, С. Хурсика и др.

Практическая ценность и научная новизна. Специальное изучение творчества прозаиков «Маладняка» во многом расширяет горизонты белорусского литературоведения, помогает вскрыть основные закономерности и особенности развития прозы 20-х годов на путях к социалистическому реализму.

Тщательный анализ всей прозы «Маладняка» не согласуется с мнением тех исследователей, которые не видят в ней отдельного художественного целого и успехи молодняковцев находят преимущественно в области поэтического творчества. В этом состоит принципиально новое понимание сущности

прозы «Маладняка». Автор диссертации считает прозу «Маладняка» органической частью белорусской советской прозы 20-х годов. И тем не менее при всей своей связанности с общими процессами, которые происходили в национальной литературе, проза «Маладняка» — явление отдельное, эстетически самоценное и в какой-то мере феноменальное. Расхожие суждения о слабостях прозы молодняковцев в некоторой степени, думается, затушевывали позитивное значение многого из того, что было создано молодыми прозаиками в 20-е годы, на что были истрачены их поиски.

В диссертации раскрывается также одна из сложнейших проблем литературного процесса 20-х годов — проблема взаимоотношений писателей младшего и старшего поколений. Диссертант показывает, что несмотря на имевшие место в среде молодняковцев проявления пролеткультовского авангардизма, чванства, недооценки классического наследия, развитие отношений писателей разных поколений неуклонно шло по линиям сближения, взаимовлияния, диктуемых общей задачей о развитии родной литературы.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 6 статей общим объемом 4,2 п. л.

Объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения, содержит список использованной литературы (всего 705 наименований, включая обширную библиографию о «Маладняке», три приложения: 1. «Использованные тексты»; 2. «Книги, сборники, альманахи, литературные выпуски, издававшиеся библиотечкой «Маладняка» и его филиями»; 3. «Художественная проза журнала «Маладняк» за 1923—1932 гг.»).

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» представлены общие данные о возникновении массового литературного объединения «Маладняк», о трех основных этапах его деятельности. Здесь обращается внимание на то, что в истории белорусской советской литературы период, связанный с деятельностью этого литературного объединения, занимает особое место. Деятельность «Маладняка» (1923—1928 гг.) — ярчайшее свидетельство огромного влияния Великой Октябрьской социалистической революции на развитие национальной литературы, показатель огромного размаха, «который дала народному творчеству великая револю-

ция»¹. С «Маладняком» связан подлинно массовый приход в белорусскую литературу талантливой молодежи из гущи рабочих и крестьян. Кузницей молодых литературных кадров можно назвать это первое, наиболее многочисленное объединение литературной смены. Оно прошло сложный, порой противоречивый путь: от кружка инициаторов с шести человек до всебелорусского объединения поэтов и писателей, которое в середине 20-х годов насчитывало свыше 500 членов; от первых проб пера, подражаний, переработки фольклорных источников до произведений оригинальных и проблемных, злободневных, интересных по своему художественному обобщению; от декларативного провозглашения в своем творчестве нового положительного героя до действительно глубокого проникновения в характер современника, в сущность революционных преобразований.

Расцвет белорусской советской прозы 20-х годов связан как с именами Я. Коласа, З. Бядули, Т. Гартного и других писателей старшего поколения, так и с творчеством молодых в то время авторов: К. Чорного, М. Зарецкого, К. Крапивы, М. Лынькова, П. Головача, В. Коваля, Я. Скрыгана, М. Чарота, Р. Мврашки, С. Барановых, Б. Микучича и др. Молодые авторы не только внесли определенный вклад в литературу тех лет, но и активно влияли на литературный процесс, являясь как бы своеобразным катализатором в освоении литературой все новых и новых сфер общественной жизни.

Здесь же, во «Введении», автор пытается дать общий портрет молодняковцев, подчеркнуть самое основное в их гражданском и творческом облике, в их миропонимании и мироощущении. Восприятие эпохи, понимание молодняковцами своего времени было во многом своеобразным, неповторимым, несло в себе и необычный размах и раскрывало определенную ограниченность. Романтический подход молодняковцев к действительности, недостаток жизненного опыта, иногда — литературной школы, мастерства не всегда позволяли им реально смотреть на самих себя и свое творчество, соблюдать принципы историзма во взгляде на развитие родной литературы. Тогда начинались различные преувеличения, искажения, поверхностные увлечения. Но в самохарактеристиках молодняковцев всегда объективным было одно — они действительно были детьми революции, творцами нового искусства, людьми необычными, которым казалось все подвластно и все по силе.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 80.

Именно в этом смысле мы можем даже говорить о писателе-молодняковце как об отдельном типе творческой индивидуальности, довольно необычно и своеобразно сформированном временем, обстоятельствами.

Они — молодняковцы — несомненно романтики, но не с кагорты романтиков XIX в. или начала XX в. Революция победила, и это обусловило пафос творчества молодняковцев как непосредственно утверждающий, а не мятежный, иронический, экзальтированный, воинственноотрицающий.

И еще. Эти романтики в большинстве были выходцами из крестьянской среды — белорусской деревни, что также во многом предопределяло окраску романтического пафоса и прославления революции, новой действительности, миролонимание и мироощущение молодняковцев в целом.

В первой главе диссертации — **«В русле общих закономерностей (Становление молодняковского рассказа)»** — автор исследует первоначальные поиски молодых прозаиков в жанре рассказа — на первых порах одном из ведущих жанров литературы 20-х годов. Пафос утверждения основ социалистического строя, целеустремленность молодняковцев в будущее частично своеобразно проявили себя уже и в их самых ранних рассказах. В творчестве молодых четко определились два направления, в которых молодняковская проза как бы берет свое начало. Первоначально особенно ощутимо стремление к самовыражению, неудержимая лиризация, субъективность, почти полное слияние авторского голоса с образом лирического героя, самозабвенно воспевающего на полные груди новую революционную действительность. Второе направление связано с увлечением молодых авторов напряженным драматическим действием, «вірамі жыцця», героизацией и романтизацией подвигов во имя революции, с нагнетанием символики, с подчеркнутым интересом к ситуациям и событиям исключительным, альтернативным. Первая тенденция, довольно быстро себя исчерпавшая, наиболее ярко выразилась в рассказах-импрессиях — своеобразном жанре, рожденном увлеченностью прозаиков современностью, их стремлением к освоению мира только с позиций эмоциональных, чувственных. Эти рассказы-импрессии имеются в творчестве почти всех прозаиков-молодняковцев, в том числе у К. Чорного, М. Зарецкого. Стремясь разнообразить свою тематику, молодые прозаики углублялись в современность и выражали, главным образом, чувства, настроения, мысли, рожденные новым временем. Это вело к некоторой односторонности, стилевой и смысловой невыразитель-

ности, однообразием изобразительных приемов и средств.

Диссертант показывает, что чисто эмоциональное восприятие действительности нередко оказывало отрицательное воздействие на характер изображения, принося явный ущерб объективному исследованию жизни, раскрытию ее во всей многогранности. Большинство ранних произведений молодняковцев оставалось неглубоким по содержанию, имело рудиментарный сюжет, невзыскательные образно-стильские средства. Тем не менее молодые авторы все успешнее учились схватывать действительность в более ярких, эмоционально-выразительных картинах, характерных чертах и деталях. Правда, они подавали их в большинстве случаев преимущественно мозаично, фрагментарно, заботясь больше об эмоциональной доминанте, чем о богатстве палитры. И только отдельные, более поздние произведения такого рода можно назвать лирическими этюдами не без композиционной законченности, с довольно сконцентрированной мыслью. В них можно найти точность наблюдений, «игру» деталей, подтекст, то, что хотя и отдаленно, но и в общих чертах как бы предугадывает образцы современной так называемой лирической прозы — миниатюры, пейзажные зарисовки, путевые дневники.

В многочисленных импрессионах, заметках ранних молодняковцев определенным образом отразились некоторые черты социально-политических, экономических, культурных преобразований, рождение новых взаимоотношений среди людей, их стремление к новой социалистической жизни. Главное во всех этих произведениях — страстная агитация за социализм, за коммунистические идеалы, восторженное увлечение современностью, «злостью дня». Однако публицистичность нередко соседствовала с бедностью изобразительных средств. В диссертации раскрываются характер и особенности этой публицистичности, достоинства и недостатки ранних произведений молодых авторов вообще, показывается, как в итоге революционная страстность, пафос утверждения нового, оперативность откликов на изменения в жизни — эти лучшие качества ранне-молодняковской прозы закреплялись в творчестве ведущих прозаиков «Малодняка» в действительно художественных формах.

Отдельно рассматривается роль эмоционального фактора в творчестве молодняковцев, эмоциональность прозы, насыщенность ее новыми чувствами и эмоциями, а также воздействие этой прозы на читателя, как и каким образом она увлекала, доходила до сердец сотен и тысяч простых людей.

Как известно, чрезмерная эмоциональность своей удесятельной чувственной силой смыкается с эсбрым взглядом на мир — романтическим. Именно романтическое течение в белорусской советской прозе берет свое начало в «Маладняке». Творчество М. Зарецкого, М. Лынькова, М. Чарота, В. Ковалея, Б. Микулича, М. Никоновича и др. свидетельствовало о зарождении прочной романтической традиции в нашей литературе, содействовало обогащению ее образно-композиционных и стилевых изобразительных средств и приемов. В этой связи автор приводит слова В. И. Ленина о революционной романтике, о той внутренней силе, которая заключена в ней и которая способна на деле двигать прогресс и способствовать созидательной деятельности масс: «...Само собой разумеется, — говорил В. И. Ленин, — мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были несогласны с ними...»¹. Таким образом, к молодняковцам и как к романтикам нельзя не относиться без симпатии. Именно благодаря романтическому ореолу, каким они часто и довольно умело окружали своих героев и их поступки, их вклад в национальную сокровищницу остается самобытным и ценным.

Но чрезмерности лиризации, излишняя публицистичность, частое использование образно-стилевых клише, засилие однотипных образов и приемов приводили и к нивелировке прозы «Маладняка», стандартизации отдельных языковых явлений, риторичности, что в общем и породило так называемую «бурапену».

В. И. Ленин отмечал: «...Несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так „плотно“ держится, не так „крепко сидит“, как „сущность“ Etwa: движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. Но и п е н а есть выражение сущности!»². «Бурапена» была выражением чрезмерностей романтизма «Маладняка». Выход из нее, преодоление «бурапены», как показывает анализ, проходил по трем основным направлениям. Первое из них связано со становлением, можно сказать, романтически классического рассказа молодняковцев, окончательно сформировавшегося в творчестве М. Зарецкого. Второе определялось философско-интеллектуальной тенденцией развития. Ее с самого начала успешно развивал

---

¹ «Ленинский сборник», т. XXXVII. Издательство политической литературы, М., 1970, стр. 212.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 116.

в «Маладняке» К. Чорный. Третье направление объединяло собой попытки развить и ту и другую тенденцию синтетически, что более отчетливо проявилось в рассказах на бытовую тему. В итоге оно увенчалось яркими рассказами М. Лынькова, в которых соединились воедино романтическая приподнятость, лирическая взволнованность с исторически правдивым, детализированным изображением быта, с психологически разработанным действием, с полнотой и правдивостью отражения новой светлой действительности. Так постепенно, шаг за шагом в творчестве молодых белорусских писателей 20-х годов осуществлялось слияние богатых эмоциональных впечатлений, непосредственных наблюдений с пониманием диалектики жизни, с реалистической конкретностью изображения.

Закономерности развития молодняковского рассказа довольно определенно просматриваются и в других связях. Ранний, преимущественно эмоциональный и романтический молодняковский рассказ был в основном экспериментальным. Именно на этом этапе наблюдалось самое воинственное противопоставление молодых всему классическому, традиционному. По мере того как рассказы молодых наполнялись философско-психологическим содержанием, а еще больше в связи с обращением молодых к бытовой тематике, к проблемам морально-этическим, к теме духовного раскрепощения женщины — именно в связи со всем этим началось, вначале, можно сказать, стыдливое, ненарочитое, реально не признаваемое, но по существу очевидное обращение взглядов молодняковцев как к современному рассказу старейших писателей, так и к традиционному рассказу белорусской дооктябрьской прозы. И, наконец, на последнем этапе, именно благодаря использованию классических традиций, прежде всего традиций русского рассказа, определился, стал возможным тот большой успех, который выпал на долю рассказов М. Лынькова.

Можно выделить и три соответствующих этапа в стилистическом «возвышении» прозы «Маладняка». На первом этапе в рассказах эмоционального и романтического характера господствовала стилистика метафорическая, экспрессивно-риторическая. В лучших романтических образцах молодняковской прозы она была эстетически довольно последовательной, в стихии подражательной — «бурапенной», полной излишеств, словесной цветистости, телеграфности в синтаксисе, нарочитой звуковой организации фразы. Причем, в рассказах ранних молодняковцев нашло место эклектическое смешение самых раз-

личных стилей: гипертрофированно-лирического, сюжетно-динамического, телеграфно-повествовательного, орнаментального и др.

На втором этапе развития рассказа молодняковцев стиль его словно «начал входить в свои берега» — он становится более гибким в психологических нюансах, хотя не избавляется от излишеств лиризации, романтических красот. Рассказы бытовой темы возникали как бы в «отрезвляющей» атмосфере, которая, чуждаясь романтических излишеств, вела иногда к приземленному изображению, временами даже к натуралистическому. Узкобытовое, натуралистическое здесь было по существу реакцией на цветисто-романтическое.

Последний этап в становлении стиля молодых рассказчиков можно назвать льньковским этапом. Льньков, по существу, не избежал романтической инструментовки стиля (орнаментализм, инверсия, красочность метафоры, частое использование эмоционально-оценочных эпитетов, наличие символики, синтаксический параллелизм, своеобразная звуковая организация фразы). Но все это вступало у него в органический синтез с поэтически изображенным бытом, с глубиной психологического анализа, с философскими обобщениями, звучащими как из уст героев, так и от автора.

В связи с анализом общих закономерностей развития молодняковского рассказа в первой главе диссертации автор пытается очертить и некоторые особенности творческих индивидуальностей главных рассказчиков-молодняковцев — М. Зарецкого, К. Чорного, М. Льнькова. Подчеркивается, что рассказы М. Зарецкого в своем романтическом варианте — уникальные в прозе 20-х годов. В них, разумеется, нет реалистической правды характеров, но мы можем говорить о великой силе художественной убедительности необычного героя, необычных ситуаций, изображенных прозаиком. Думается, что как раз это обусловило широкий успех М. Зарецкого-рассказчика (Сборники рассказов: «У віры жыцця», «Пела вясна» — 1925 г.; «Пад Сонцам» — 1926 г.; «42 дакументы і двое Жвіроўскіх» — 1926; «На чыгунцы» — 1928 г.).

К. Чорный, как и все молодняковцы, шел к более полному и глубокому освоению действительности также от чисто внешнего восприятия событий и действий, руководствуясь эмоциональными впечатлениями, чувствами, вызванными новым временем, грандиозными масштабами социалистических преобразований. В то же время у Чорного уже в ранних произведениях наблюдается стремление к большим художественным

обобщениям, желание разорвать оболочку конкретного факта, достичь глубоких философских обобщений. Взяв за основу реальные факты будничной жизни, К. Черный, можно сказать, положил начало подлинно психологической разработке темы революции и гражданской войны, с художественной убедительностью раскрывал живые человеческие характеры на фоне грандиозных исторических событий. В диссертации также анализируются два тематических цикла рассказов К. Черного, связанных с воспоминанием детства и образом дороги, раскрывающие характер лиризма ранних произведений Черного.

Во второй половине 20-х годов все прозаики «Маладняка», как и литература в целом, стремились расширить психологическое содержание. Однако постичь характер нового героя во всех его сложностях и противоречиях было нелегко. Диссертант показывает, что немалую роль в решении этой задачи сыграли произведения молодняковцев, в которых они с характерным для них энтузиазмом бичевали религиозность, отсталость, бескультурье, мещанство, старый быт, корыстолюбие, собственничество. Хотя сатирическая проза «Маладняка» имела острый наступательный характер, тем не менее многие из молодых авторов духовное перерождение отрицательных персонажей показывали упрощенно, без достаточной аргументации, как правило, под воздействием необычных условий. Увлечение показом отрицательного нередко приводило и к натурализму. Но в целом молодняковская сатирическая проза сыграла положительную роль в упрочении реалистически-аналитических тенденций.

Из проблем, волновавших молодняковцев, диссертант отдельно рассматривает проблему революционного долга. Она обычно романтически усложнялась и выливалась в противопоставление в сознании героев двух будто бы непримиримых начал — общественного долга и личного счастья. Молодняковцы длительное время решали эту «проблему» слишком прямолинейно, впадая то в одну, то в другую крайность. Герой их рассказов то проявлял аскетизм и отказывался от каких бы там ни было «радостей жизни», то попадал под чуждое влияние теории «свободной любви». Особенно нагнетались страсти в любовных коллизиях, в которых рисовались обычно революционер — он и его антипод, представительница старого мира — она. Ходульно-романтический «психологизм» этих рассказов с наибольшим успехом преодолевал рассказ молодняковцев о раскрепощении женщины. Тема духовного возрождения женщины, а также поднятые в рассказах молодняков-

цев проблемы становления коммунистической морали, характера новых взаимоотношений между людьми, семьи, брака, быта, активного участия женщины в социалистическом строительстве, стремление воссоздать в литературе собирательный образ женщины нового времени — все это имело огромное значение для дальнейшего роста, психологического наполнения прозы «Маладняка».

Таким образом, от чисто декларативного провозглашения в своем творчестве нового героя современности молодая проза пришла к углублению в характеры, в психологию персонажей, во внутренний мир современника.

Молодняковские рассказы М. Зарецкого, К. Чорного, М. Лынькова, К. Крапивы, П. Головача, В. Коваля, Б. Микулича и других по праву вошли в сокровищницу белорусской советской литературы, успешно служат делу воспитания нового поколения строителей коммунизма.

Во второй главе диссертации — «На путях к эпосу» — исследуется становление в прозе «Маладняка» крупных эпических форм, вклад молодняковцев в создание художественного эпоса революции.

Молодняковцы, как уже говорилось, ясно осознавали главные цели и задачи белорусской советской литературы — задачи художественного отражения Октября и исторических свершений в Белоруссии. Хотя молодые авторы своим литературным опытом во многом уступали старшим коллегам по перу, активность их идейно-художественных исканий, как показывает анализ молодняковского рассказа, во многом давала положительные результаты. Именно итогом этой активности в целом можно считать и романы Михася Зарецкого «Сцежкі-дарожкі», Рыгора Мурашки «Сын», ставшие в шеренгу первых белорусских романов наряду с романами Я. Коласа, Т. Гартного.

Белорусское советское литературоведение доказало, что «роман в белорусской литературе возник по существу как эпос революции»¹. Обращение к жанру романа для ведущих прозаиков «Молодняка» было закономерным. На этом пути молодняковцев подстерегало, однако, немало увлечений, не всегда плодотворных, особенно в их разработке жанра повести как своего рода ближней разведки эпоса революции.

Немалый успех выпал в свое время на долю ранних молодняковских повестей, которые стали служить своеобразным эта-

¹ Ю. Пширков. «Велічная тэма». «Польмя», 1957, № 10, ст. 132.

лоном молодняковской прозы вообще: «Свінапас» М. Чарота, «Два» А. Вольного, «Мяцеліца», М. Ніконовича, «Рыгор Галота» І. Барашкі, «Затока у бурах» Я. Скрыгана, роман «Ваўчаняты» А. Александровича, А. Вольного, А. Дудара. Именно эти произведения были прежде всего на поверхности молодняковской прозы, и они затем более всего подверглись сокрушительной критике. Причем, оценки молодняковских повестей нередко переносились на прозу «Маладняка» в целом.

Диссертант, во-первых, рассматривает сам феномен молодняковской повести как повести героико-приключенческой, предназначенной для молодого читателя. Нельзя также пройти мимо того факта, что эта форма вполне соответствовала мироощущению и мировосприятию молодняковцев. На ней, безусловно, сказались определенные традиции классической приключенческой литературы. Но такого не было в канонических образцах: молодые авторы чувствовали себя в своих повестях не только повествователями, но и непосредственными соучастниками героических событий. Этот субъективный элемент как бы перерождал старый жанр, делал его непохоже новым, а в глазах самих молодняковцев — новаторским, жанром именно новой литературы, нового искусства, рожденного самой революцией.

Эмоциональный «дух» молодняковской повести ярче всего проявился в неудержимом увлечении героическими приключениями. Автор диссертации показывает вместе с тем и типологическую близость героико-приключенческой белорусской молодежной повести 20-х годов к подобного рода повестям в русской советской литературе этого же времени. Раскрыв затем основные недостатки ранней молодняковской повести — ее немощный психологизм, быстро установившийся стереотип изобразительных средств, романтический наив, шаблон ситуаций, композиционных приемов, манеры повествования и пр., — автор приходит затем к выводу, что повести молодняковцев сегодня имеют более историко-литературное, чем воспитательное значение. Вместе с тем подчеркивается, что они несомненно сыграли свою положительную роль в создании крупного жанра в белорусской литературе, в позднейшем эпическом освоении темы революции, нового жизненного материала действительности. Эти повести были первыми: спрос на подобную литературу создало само время, и даже такими, какими они были, повести воздействовали, увлекали. Кроме этого, в них было живое чувство, стремление к идеалу, пафос высокой коммунистической идейности, патриотический порыв, увлечен-

ность. Местами в этих повестях пробивалось и бесспорное знание жизни, непосредственность и аутентичность свидетельств о недавнем героическом дне, умение схватывать жизнь в реальных деталях быта, речевых характеристиках героев и др. Персонажи отдельных молодняковских повестей вместе с тем рисовались нередко и такими, какими издавна народное воображение видело своих героев. В этом сказывалась близость молодняковской повести к традициям народного дубка, к фольклорным источникам. Автор приходит к выводу, что если молодняковские повести не выдержали испытания временем, то в этой связи надо, во-первых, говорить о неиспользованных до конца возможностях оригинального, по-своему самобытного, вначале счастливо найденного, а затем увядшего, недоразвившегося до высокой художественной полноты жанра.

Отдельно отметим, что в диссертации широко раскрываются причины, почему форма молодняковской повести не совершенствовалась, а постепенно изживала себя. Так, механически соединив отрывки из разных текстов молодняковских произведений, автор показывает, что они отнюдь не «рассыпаются», а кажутся чем-то целостным, единым. И это не иллюзорное единство — это единство шаблона, стереотипа в повествовании, изображении героя, в слоге, синтаксисе и т. д. Именно там, где кончалось творческое, поисковое, а начиналось эпигонское, трафаретное — там молодняковская повесть себя изживала.

Таким образом, в тупике молодняковцы очутились в результате перепевов, из-за нежелания учиться у кого бы там ни было. Выйти из него молодняковцы пытались, обращаясь к коллективному творчеству, что было опять таки «сшиванием» тех же шаблонов, только уже не одним автором, а двумя, тремя. К учебе у классиков молодняковцы шли нелегким путем. Именно обращение к теме новых социалистических преобразований заставляло их все больше приобщаться к классическим традициям, подготавливало их к многотрудной работе над романом.

Важную роль в общем процессе мужания молодняковской прозы заняли на определенном этапе произведения социально-бытовой темы, в которых молодые прозаики осваивали новые сферы жизни города и деревни («Сонца пад шпалы», «Записки інструктара Томана» Х. Шынклера, «Наша сонца», «Ускраіна» Б. Микулича и др.).

Вклад молодняковцев в разработку темы города и деревни бесспорен. Социальность прозы молодняковцев углублялась прежде всего с разработкой темы рабочего класса, индустриа-

лизации, связей города и деревни, темы коллективизации. Крупным художественным произведением в белорусской советской литературе о коллективизации предшествовало множество рассказов, повестей, в которых рисовалось зарождение внутреннего стремления крестьянина к коллективной жизни, первоначальный поиск крестьянином новых форм хозяйствования на земле, раскрывались ранние этапы строительства коллективного строя — зарождение и функционирование первых сельскохозяйственных артелей и коммун. Можно сказать, что молодняковская проза с самого начала была нацелена на отражение всех этих сложнейших процессов. Ведь первые ее произведения, поэтизирующие стремление крестьянства к коллективному труду, появились еще в начале десятилетия (рассказы М. Чарота, М. Зарецкого, А. Бабареко, а также в более позднее время П. Головача, В. Ковалья, С. Хурсика и др.). А к концу 20-х годов молодняковская проза, можно сказать, вплотную подошла к созданию крупных эпических полотен о социалистических преобразованиях в деревне (повести П. Головача «Сполах на загонах», С. Барановых «Межы», «Новая дарога», В. Ковалья «Ліпы», «Жніво», Б. Микулича «Чорная Вірня», С. Хурсика «Чорны мост» и др.).

На социально-бытовую прозу «Маладняка» значительное влияние оказала проза Я. Коласа. В то же время и в творчестве великого мастера мы находим некоторые признаки влияния молодняковцев (например, при создании им образа молодого современника — ровесника молодняковцев — Степки Баруты из повести «На прасторах жыцця»).

К роману молодняковцы шли не только через социально-бытовую прозу, но и непосредственно от ранних эмоциональных форм, от героико-романтической повести. О последнем свидетельствуют, в частности, ранние пробы создания романа в «Маладняке» — история написания коллективного романа «Ваўчаняты» в середине 20-х годов. Продуктивным однако оказался индивидуальный путь, давший романы М. Зарецкого «Сцежкі-дарожкі», Р. Мурашки «Сын» — несомненно лучшее из эпоса молодняковцев.

Оба эти романа все еще недооценены в белорусском литературоведении, малоизучены, требуют современного прочтения. И, может быть, в первую очередь именно как романы, раскрывающие основные закономерности и тенденции развития прозы «Маладняка» на ее заключительном этапе, когда, по существу, то, что мы относим к молодняковской прозе, уже сли-

валось в едином потоке со всей белорусской советской прозой 20-х годов.

Собственно, М. Зарецкий еще был молодняковец, когда писал «Сцежкі-дарожкі». Р. Мурашко работал над романом на протяжении многих лет пребывания в «Маладняке» и закончил его, когда объединение реорганизовалось в БелАПП. Тем не менее, корни этих романов — в собственно молодняковской прозе, из молодняковской прозы и в преодолении ее, в стремлении найти новые точки опоры, в попытках выйти на новые эстетические плацдармы. В разной степени, разными путями преодолевали «маладнякизм» М. Зарецкий и Р. Мурашка.

Идейно-художественный замысел романа М. Зарецкого «Сцежкі-дарожкі», а также пафос, концептуальность, сюжет, способы обрисовки характеров — типически молодняковские. Морально-этические проблемы, волновавшие раннего М. Зарецкого-рассказчика, волнуют теперь М. Зарецкого-романиста. В его первом романе то же «пестрое сияние» жизни, калейдоскоп событий, что «взростом закружились», внутренняя раздвоенность героя, романтическая заостренность действий. Чрезмерная романтизация образов героев и их поступков, избыточная психологическая самоуглубленность отдельных персонажей, альтернативность ситуаций продолжали препятствовать молодому писателю в его воплощении живого дыхания революционной действительности. Однако, несмотря на все это, роман удался писателю. Идя от типично молодняковского восприятия событий революционного времени, как «бурливого» бала, прозаик сумел выразить рост сознания народных масс, понимание главным героем истинных путей и конечных целей революционной борьбы, исторической сущности классовых катаклизмов. Из анализа романа также становится очевидным, что романтические приемы и средства типизации, которыми длительное время пользовались в своем открытии мира молодняковцы, приходят во внутреннее противоречие с конкретным жизненным материалом, что молодой автор, литература в целом постепенно начинают избавляться от устаревших молодняковских приемов и способов отражения, превратившихся в тормоз на пути к художественному совершенству.

Еще более эти противоречия заметны в романе Р. Мурашки «Сын». Роман «Сын» — бесспорное достижение молодого прозаика, значительный вклад в белорусскую прозу. С ним связана в белорусской советской литературе разработка бесспорной темы партии. «Авангарду борьбы за будущее рабоче-

го класса», «стальной большевистской гвардии» посвятил свое произведение автор. Роман Р. Мурашки выделялся самым замыслом — стремлением запечатлеть в художественных образах деятельность партии большевиков, жизнь рабочих и крестьян в эпоху первой русской революции, дать исследование социального среза общества, углубить социальность и историзм белорусской советской прозы в целом. И социальность и историзм, которых так не хватало ранней молодняковской прозе, романом Р. Мурашки действительно были определенным образом углублены. Во всяком случае, проблема их углубления была поставлена остро, сдвиг в художественном сознании времени, в эстетическом развитии молодняковской прозы был несомненен. Но нельзя забывать, что этот сдвиг шел и под влиянием распространившихся в это время рапповских теорий, вульгаризирующих марксистско-ленинскую эстетику, что социологизаторское начало в романе Р. Мурашки «Сын» во многом исказило плодотворную традицию к углублению социального анализа, художественный анализ превращало в социологический схематизм, выхолащивая диалектику психологического исследования, характеров героев, упрощая, вульгаризируя сложности классовой борьбы, людских судеб в революции.

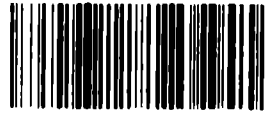
Если ранняя молодняковская проза была излишне эмоциональной, экзальтированной возбужденной, то теперь под воздействием вульгаризаторской критики она вовсе избегает эмоционального начала. Теперь в слог вообще начинала преобладать рационалистичность. Выхолащивание чувственного начала ведет вообще к редукции человековедческого. Роман «Сын» в этом отношении можно, таким образом, рассматривать и как своеобразную реакцию на излишнюю эмоциональность «Сцежак-дарожак», на его чрезмерную романтизацию, и как свидетельство пагубного воздействия теорий вульгарного социологизма. Его социологические «излишества» приводили, употребляя известное выражение Энгельса, к выплескиванию вместе с водой и ребенка. Роман «Сын», таким образом, еще выразительнее обнажил противоречия в развитии молодой белорусской прозы, хотя это не отвергает того, что он был, как уже говорилось, новой страницей в развитии художественной прозы «Маладняка», вносил немало нового, существенного по сравнению со «Сцежками-дарожками». Диссертант приходит к выводу, что успех белорусского советского романа, как это становилось ясным после романов «Сцежкі-дарожкі» М. Зарецкого и «Сын» Р. Мурашки, был в преодолении крайностей художественных исканий прозы «Маладняка» и

в выходе на магистрали классического синтеза и анализа в прозе. Только романтизация или только социальный анализ, которые на практике то в одном, то в другом случае уводили к псевдоромантическому и вульгарно-социологическому, не могли быть конструктивными, перспективными. Творческая практика «Маладняка» засвидетельствовала: перспектива — за романом органического синтезирующего изображения жизни.

Идейно-эстетическое развитие прозы «Маладняка» было, таким образом, действительно сложным. Во второй половине 20-х годов, не освободившись до конца от ранних чрезмерностей, молодняковцы впадают в новые крайности. Но все это происходило при наличии успехов, сдвигов, идейного и эстетического роста. Молодые белорусские прозаики 20-х годов шли к своему творческому мужанию. Активное вторжение в жизнь, стремление постоянно чувствовать пульс времени, четкость и ясность политической позиции, страстная агитация своим творчеством за новый социалистический строй, уверенность в торжестве идеалов коммунистического завтра, непреодолимое желание запечатлеть в художественной литературе великую борьбу за новую будущность, когда будет «властвовать одна культура — культура коммунистическая» (М. Чарот) — все это способствовало быстрейшему становлению прозы молодых белорусских писателей, служило верным ориентиром в их поисках, являлось залогом новых успехов литературы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. «З клопатам аб маладой змене». В сб. «Народныя песняры. Да 90-годдзя з дня нараджэння Я. Купалы і Я. Коласа». Изд. БГУ им. В. И. Ленина, Мн., 1972.
2. «Романтическая эпопея». Журнал «Неман», 1972, № 2.
3. «Атеистическое содержание прозы молодых белорусских писателей 20-х годов». В сб. «Атеистическое воспитание молодежи. Материалы республиканской межвузовской научной конференции по проблеме «Атеистическое воспитание молодежи», Гродно, 29—31 октября 1970 г.», Изд. «Вышэйшая школа», Мн., 1972.
4. «З кэгарты маладнякоўцаў». «Літаратура мастацтва», 10 апреля 1972 года.
5. «Вернасць праўдзе жыцця». «Чырвоная змена», 16 марта 1972 года.
6. «Крылатае племя». «Маладняку»—50 гадоў». «Чырвоная змена», 28 ноября 1973 года.

0000003536 13